

A man in a dark suit is seen from behind, with a woman's hand resting on his head. The background is a dimly lit room with bookshelves. The title is written in a white, elegant script font, with the word 'Другая' enclosed in a red rectangular border.

Ария Тес
Другая

Ария Тес

Другая

<https://litres.ru/74490273>

Аннотация

- ...мы можем разыграть мыльную оперу, хочешь? Я начну тебе угрожать, обязательно напомню, кто мой отец, а потом встану и громко хлопну дверью. Только какой в этом смысл, Диана? Амир — мой муж, и он навсегда останется моим мужем. Что дальше?

- Не говори только, что ты беспокоишься за меня.

- Если честно, мне на тебя плевать совершенно. Я здесь, чтобы защитить свои нервные клетки, пусть исход у этой истории один: я рожу ему детей, а ты канешь в Лету, как временное развлечение, которое когда-то грело его мысли, пока не стало тяготить. Мое предложение простое: давай сократим это время до одного принятого решения здесь и сейчас.

Его молодая жена делает мне странное предложение, на которое я соглашаюсь. Потому что она справедлива: она — его жена перед законом и Богом, а я неправильная. Я — другая.

Содержание

«Свадьба»	4
«Бизнесмен и официантка»	14
«Зависимость»	33
«Небожитель»	43
«Тебя предупреждали...»	54
«Рождение»	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

«Свадьба»

Диана

Помню, как в детстве я стояла возле шикарных витрин и смотрела на их содержимое с открытым ртом. Мне так хотелось...иметь красивые вещи, жизнь, которая не будет похожа на мою — со сломанными игрушками, взятыми «из добрых рук», вещами, с которых я никогда сама бирок не срывала! Мне так хотелось...чтобы «как у людей» было. Как там, за толстым стеклом магазинов, в которые мне удавалось только заглянуть, но никогда не зайти внутрь. Я выросла, но вот она шутка судьбы — все продолжает повторяться, пусть я думала, что это время уже закончилось давно.

Только теперь большее, ведь теперь за этим стеклом не просто вещь, которую мне никогда не удастся купить. Там мое сердце, которое так отчаянно разбивают улыбки, радость, счастье.

А я...продолжаю смотреть. Как замороженная, не в силах оторваться — смотрю, причиняя себе ужасную боль, которая волнами расходится из души по всему телу, превращаясь в физическую.

Это и правда больно.

Прикрываю глаза, утираю слезы запястьем. Потом ежусь — мне холодно, пусть на улице достаточно жарко для позднего вечера.

Наверно, я могла бы задать миллион вопросов из разряда: как он мог так поступить со мной? За что он со мной настолько жестоко? Почему? Но в действительности лишь один вопрос имеет значения: а ты что, Ди, рассчитывала на что-то другое?

Наверно, да. Я бы хотела, чтобы наша история имела совершенно другие оттенки, и чтобы развивалась она совершенно иным путем. Пусть сложно, пусть с препятствиями, но не в виде молодой жены и всей семьи, которая так счастлива за них! О нет. Я бы хотела, чтобы все сложилось не так жестоко.

Мой любимый мужчина — Амир Гасанов, — сейчас танцует народный, свадебный танец со своей супругой. Ее зовут Белита Амоева, теперь уже Гасанова, разумеется. Я вижу ее не впервые. Они оба — дети состоятельных родителей, обрученные много лет назад, и это — договорная свадьба, объединение капиталов и бла-бла-бла. Еще много чуши, которую он говорил мне, лежа ночью со мной в постели. Пока обнимал меня, целовал, был во мне на тридцать пятом этаже квартиры, которую он снял для меня. Там красиво, как в тех самых магазинах, и я была там счастлива, пока не узнала о скорой свадьбе.

Это произошло случайно. Мне просто посоветовали Белиту, как возможного друга, и когда я зашла на ее страницу — мое сердце пропустило удар, который пропускает до сих пор. Наверно, если бы кто-то сейчас прицепил датчики

к моему телу, они бы это даже увидели: момент, когда все изменилось. Ту самую секунду, когда мое сердце разбилось вдребезги.

Там было все: снимки, планы, она в свадебном салоне и с букетом красивых роз, ее кольцо. И он... их лица улыбались, пока моя душа сгорала дотла.

Он говорил, что «так надо». У него есть обязательства перед семьей, он не может разорвать помолвку и привести меня в качестве невесты — это невозможно! И я почти поверила. А теперь я вижу, как он смеется, глядя на нее, улыбается, как нежно проводит по щеке пальцами, прежде чем поцеловать.

И самое гадкое, что я узнаю этот жест. Вчера ночью он сделал также со мной, перед тем как покинуть мой дом.

Опускаю голову и смотрю на свои босые ноги. Туфли я бросила в машине, а сама зачем-то вышла. Зачем, Диана? Ты, наверно, мазохистка...

Усмехаюсь. Нет, мне невесело, как всем им за толстым стеклом витрины, куда мне впервые в жизни не хочется попасть и прикоснуться к этой жизни. Мне просто больно, что это даже забавно настолько, насколько печально.

Все, кому я когда-либо верила, поступали со мной примерно одинаково: обман, предательство и жизнь «дальше», в мире, где мне нет места. С чего я взяла, что с ним будет так же? А я же думала. Знаете? Что у нас будет «сложная» любовь из всех мелодрам мира, а по факту все оказалось про-

сто: это была ложь. Он врал мне, чтобы я не выносила ему мозг перед свадьбой, а сидела в своей золотой клетке молча.

В этот момент меня пронзает молния насквозь, и я знаю, что это значит. Не хочу, но действую против воли: медленно поднимаю глаза и сталкиваюсь с горящим, злым взглядом Амира.

Да, прости. Твоя русская любовница пришла по раскаленным осколкам к месту твоей свадьбы, чтобы посмотреть. Так бывает. Когда женщины любят, они способны на многое. А когда они чувствуют ложь и хотят убедиться — на все.

Я убедилась. Спасибо. Было очень вкусно.

Поворачиваюсь и иду к своей машине. Наверно, придется ее отдать? Жаль, конечно, ну что поделать? Поправляю съехавшую, тонкую лямку со своего плеча, хмурюсь. Жаль, что я была такая глупая: надо было отложить деньги, чтобы было на что жить первое время, когда я от него уйду. Но я планировала быть с ним всю свою жизнь, а по факту жила одним днем и не знала этого. Досадно, конечно, но мне никто не объяснил, что мужчины могут так хорошо врать, если им это нужно.

- Диана, стой! - гремит за спиной, и я вздрагиваю, слегка оборачиваюсь.

Амир спешит в мою сторону.

Было бы прекрасно взять да припустить к своей машине, но она слишком далеко. Он меня точно догонит. Да и глупо это, наверно, и хочу ли я сбегать? Вряд ли. Я выпила немно-

го шампанского, перед тем, как сюда поехать. Знаю, что это неприемлемо. Это чревато. Но мне было слишком страшно, а не увидеть... я не могла. Меня тянуло к этому ресторану, чтобы наконец-то убедиться...

Конечно, я хотела убедиться в его любви. Представляла себе, что он будет грустно сидеть в углу, думать о том, как же херово и несправедливо, что на месте невесты не я! Но он так не думал. Боюсь, он даже обо мне не вспомнил... о красивой вещице, которую оставил где-то в воздухе. Будто пока я не касаюсь земли, я не существую...

Так обидно...

Прикрываю глаза и резко замираю, а через мгновение чувствую его руку на своей. Он сжимает меня достаточно сильно — злится, — и дергает тоже слишком резко, так что я морщусь от боли.

Ну ничего. Я не боюсь боли. Я к ней привыкла.

Смотрю ему в глаза, Амир раздувает ноздри. Наверно, он может позволить себе быть со мной так близко, так неоднозначно, потому что мы во тьме. Там, где нас не заметят пытливые взгляды, а так он бы не решился. О нет... я же его грязный секрет...

- Что ты здесь делаешь, а?! - рычит тихо, я хмыкаю.

- Приехала поздравить. Извини, без подарка.

Пальцы на моей коже сжимаются еще сильнее, но я настырно не прошу его отпустить. Продолжаю смотреть в глаза — и он сдается первым. Отпускает меня, отходит на шаг и

засовывает руки в карманы брюк.

- Мы говорили об этом. Я просил...

- Ты обещал мне весь мир, - шепчу, досадно стираю слезы со своего лица и силюсь улыбнуться, - Извини, что я хотела посмотреть, как ты даришь его другой женщине.

- Диана...

Амир вздыхает и делает ко мне шаг, но я отхожу и мотаю головой.

- Не надо. Ты все уже сказал, а я все это услышала. Хватит.

Отстраняюсь, делая еще один шаг назад, и хочу уже вернуться в сторону машины, но Амир снова хватает меня выше локтя и дергает обратно. Я врезаюсь в его грудь, а он шумно втягивает воздух возле моего виска и злится, кажется, еще сильнее.

- Ты пила.

Это не вопрос, но я все равно отвечаю.

- Какая разница? Иди...

- Ты приехала на машине бухая! - перебивает, повысив голос, который вообще стал больше похож на рык.

Я вздрагиваю и ежусь, поднимаю глаза и сталкиваюсь с его черными дырами. Они ведь действительно похожи. Помню, я еще в школе прочитала одну цитату, и она звучала так:

«Черные дыры - это то место, где Бог разделен на ноль»*.

Красиво сказано, согласитесь. Я хорошо запомнила эти слова, хотя и не знала, что в будущем они сыграют роль в моей жизни. А вон оно как сложилось...я влюбилась в

мужчину, у которого вместо глаз черные дыры. И они настолько темные, что зрачка не увидишь, в обрамлении длинных, пушистых ресниц. Нет, они не делают их милыми, даже не смягчают его взгляд. Скорее, наоборот. Место, которое должно отражать душу, засасывает на самое свое дно, где горят адские пожары и тлеют угли из женских душ.

Он дьявол. Опасный, но такой желанный, притягательный и красивый. От него пахнет по-восточному пряно, сладко. И к нему тянет. Так сильно, как зыбучие пески тянут, и если попытаешься брыкаться, только глубже завязнешь.

Хотя я уже по горло.

Тихо всхлипываю, не в силах отвести внимания от него даже на мгновение, и еще тише прошу.

- Пожалуйста,пусти меня, Амир...

Я знаю, что это бессмысленно. На его щеках играют желваки, он злится, я ему мешаю. Но это совершенно точно не значит, что я стану свободной — напротив, кажется, он только сильнее хочет меня удержать.

Зачем? За что? Я не знаю...

А пока молчаливо жду вердикта, вдруг музыка в ресторане становится на мгновение громче — кто-то открыл дверь. Я не хочу видеть его семью и не хочу, чтобы они меня видели. Ничего хорошего из этого не выйдет, я знаю и не готова ловить еще больше презрения, чем уже имею.

Я его просто не вывезу...

Но тот, кто вышел к нам в нашу тьму — еще хуже. Это

его жена...

- Амир?

У нее красивый, приятный голос. Мягкий. Амир резко поворачивается и сам того не подозревая, дает мне небольшой угол обзора. Я выдыхаю с сожалением и болью.

Мне бы очень хотелось, чтобы она была уродиной. Чтобы вся ее красота на фотокарточках — это всего лишь вопрос правильного использования модных фильтров. Но это не так. Белита выглядит великолепно. В национальном платье, чем-то похожем на гусарский камзол с разницей в цвете и, конечно же, в тонкости исполнения. На узкой талии красивый пояс: роза и драгоценные камни. Я почему-то уверена, что они именно драгоценные, а не обычные стекляшки, ведь очень ярко переливаются даже здесь, где от света лишь уличный фонарь. Ее руки закрыты тончайшим кружевом, а юбка не пышная, приталенная скорее, и тоже расшитая камнями. Голова покрыта фатой, из-под которой видны тугие, черные локоны. Господи, Белита настоящая, восточная красавица! Лицо в форме сердечка, большие, темные глаза, пухлые губы. Ее хоть сейчас выставляй на конкурс «Мисс-Мира», и я уверена! Она займет первое место!

Черт...какая же ты красивая...

Так не должно быть, я ведь тоже не урод! У меня длинные, светлые волосы. Прямые от природы, густые. Глаза большие, глубокого, зеленого оттенка. Губы в форме сердечка. Все всегда удивлялись: как у таких родителей, как мои, могла ро-

диться такая девочка? Не ребенок, а ангел! Куколка! И я никогда не жаловалась на свою внешность, но сейчас чувствую себя гадким утенком.

Утираю слезы рукой, отвожу взгляд в сторону. Мне стыдно за то, как я выгляжу: короткое платье на тонких лямках, нет туфель... Господи, чем я только думала? Надо было одеться получше... но я не хотела! Клянусь, я не хотела сюда ехать! Как будто черт попутал...

- Бела, зайди в ресторан, - тихо говорит Амир, но девушка продолжает стоять и смотреть на меня.

Я не хочу знать «как» она на меня смотрит. Мне страшно. Увидеть в ее глазах отвращение или презрение? Злость? Даже жалость! Каждая эмоция женщины, которой просто повезло родиться «правильной» для меня, как яд.

- Бела, ты меня слышишь?!

Амир добавляет голосу стали, и только тогда она уходит. Молча. Это тоже важно: покорности в ней очень много, чего не скажешь обо мне. Очевидно, раз я здесь...

Как только мы снова остаемся одни, Амир больше не ждет. Он цепляет меня за руку и быстрым шагом тянет к парковке. Буквально тащит на буксире, а когда мы отходим на достаточное расстояние от ресторана, присаживается и закидывает себе на плечо.

Я хочу сопротивляться, но просто не могу. Это больно. Он меня стесняется. Наверно, у него есть все причины стесняться, учитывая, как я выгляжу, но это все равно больно.

А я так устала.

Просто болтаюсь на его спине, как мешок с картошкой, плачу и думаю: даже если бы я выглядела на миллион долларов, он все равно стеснялся бы меня и нашей связи.

Потому что я — неправильная; другая. Та, которую нужно прятать.

*Альберт Эйнштейн

«Бизнесмен и официантка»

Диана; десять месяцев назад

Меня до безумия завораживает Москва.

Огни, обещающие лучшую жизнь. Вечный праздник. Конечно, это, наверно, далеко не так, но мне, как жительнице маленького городка N. кажется, что все вокруг манит и зовет. Здесь постоянно все в движении! Когда-то давно я слышала песню о том, что Москва «никогда не спит», но я думала, что это просто красиво звучит. А это не так, представляете?! Столица действительно ни на секунду не закрывает своих ясных, искрящихся глаз!

И это так красиво...

Украшения на Арбате, фасады зданий, знаменитые места. Например, Патриаршие пруды, где стоит забавный знак о том, что нельзя разговаривать с незнакомцами. Меня в детстве этому не учили, а когда я приехала в Москву и увидела этот знак, сразу отложилось в памяти. Конечно, спасибо Булкакову, но я, как человек-практик, всегда лучше усваивала информацию, когда видела наглядные подкрепления.

Потрясающе...

Я приехала сюда всего четыре месяца назад, поступив в университет, а уже излазила столицу вдоль и поперек. Мне так хотелось увидеть больше! Ведь когда-то давно я могла смотреть на этот город исключительно на картинках или в

кино. А теперь я здесь! Как часть этого бесконечного праздника, и я так заморожено на все смотрю...широко распахнутыми глазами. Многие люди не понимают своего счастья: что это значит? Взять и родиться в таком красивом, величественном месте? И они не ценят, а я ценю каждую секунду, пока иду по проспектам. Здесь, кажется, даже воздух другой...

Конечно, все вокруг мне говорили: Диана, не прыгай выше своей головы. Какая Москва тебе? Сиди дома! Но я верила, хотела и добилась, так что теперь учусь на журналиста. Пусть и не в университете с громким именем типа МГУ, ну и что? Это первый шаг к хорошей, стабильной жизни, а не к тому аду, что у меня остался дома.

Я туда не хочу.

Боюсь даже вспоминать про свое детство, где меня стабильно раз в полгода забирали органы опеки из-за того, что родители мои вели асоциальный образ жизни. Там только боль, слезы, вечное предательство, драки, пьянки и действительно ад, наверно. Нет, я не хочу обратно. Еще в шестнадцать лет, когда я собрала вещи и сама ушла в детский дом, я точно решила: не вернусь. Убьюсь, но ни за что не вернусь обратно. Это, банально, вопрос выживания.

Прикрываю глаза, когда грузная женщина пропихивается мимо меня в автобусе. Но это даже хорошо, я поблагодарить ее хочу, что она так вероломно прервала мои мысли. Да, пора возвращаться в реальность. Она тоже пока неказистая, и

я в своем драном пуховике тому прямое доказательство, но даже так лучше моих воспоминаний.

- Господи, ну что ты встала на дороге?! - рычит женщина, привлекая внимание половины автобуса, - Пройди вперед!

- Мне выходить на следующей, - бубню себе под нос, поправив шапку, на что получаю очень артистичный фырк, а еще толчок в бок.

Из-за него я ударяюсь запястьем о железную трубу, за которую стараюсь держаться, чтобы куда-нибудь не улететь.

Черт!

Тут же, спохватившись, задираю куртку и смотрю на новенькие часы. Ну как? Новенькие — громко сказано, конечно. Я взяла их с рук со своей второй зарплаты. Знаю, что это, наверно, глупо, но мне так хотелось красивую вещь, да и все мои одноклассники ходят с такими часами. Я не понаслышке знаю, каково это быть белой вороной, и больше не хочу! Я начала новую жизнь! И это все должно остаться в прошлом...

Экран часов приветливо загорается и показывает 09:50. Слава богу! Не разбила! Кошусь на женщину, которая уже обо мне и забыла — занялась другой девушкой, сгоняя ее с места. Поджимаю губы. Мне такое поведение не нравится, но я не могу не отметить: наглость — это по праву второе счастье. Вон она! Здесь пихнула, там нахамила и в результате уселась, как царица. То есть получила что хотела. Ловко.

Надо так же.

Морщусь слегка, мне это претит. Да и банально, я так просто не умею! Наверно, чтобы настолько филигранно исполнять отведенную роль, нужно быть максимально уверенной в себе. Откуда у меня-то уверенность? В меня за всю мою жизнь верил только дедушка, а он умер еще до того, как у меня начала формироваться уже взрослая личность.

Мне было шесть с половиной, и на улице точно так же, как сейчас, шел дождь.

Слегка мотаю головой, кутаюсь в свой пуховик и выскальзываю на улицу. Сейчас не время предаваться горестям — у меня впереди смена, на которой обязательно нужно улыбаться! Если хочешь заработать чаевые, конечно же...

До своего ресторана я добираюсь через десять минут. Моя соседка по комнате в общежитии работает здесь по протекции своей старшей сестры Анфисы Георгиевны. Меня она тоже пожалела и приняла: слава богу! В такой ресторан вот так просто с улицы не зайдешь. Это «высшая кухня»!!! Как орет наш «всеми уважаемый» шеф-повар Луи. Характер у него мерзкий и грубый, капризный, но он гений и ему можно.

Когда-нибудь мне тоже будет можно все! Клянусь! И тогда уж я не буду вести себя, как напыщенная задница! Я буду хорошим начальником, который не станет третировать своих подчиненных очередными заскоками!

Киваю таким жизнеутверждающим мыслям, поправляю форму, чтобы точно исправить все возможные косяки, репетирую дежурную улыбку.

Отлично.

В кокетливой форме зеленого цвета, которая подчеркивает мои глаза, я выгляжу круто. И хорошо, что это не роба! Брючки в обтяжку и кофточка на одно плечо, а фартук для блокнота отлично подчеркивает мою узкую талию. Я красивая, знаю, и это единственное, за что я могу сказать своим родителям «спасибо» — мне всегда дают хорошие чаевые. Отбрасываю свою длинную косу назад, еще раз улыбаюсь, а потом закрываю шкафчик и иду в зал.

Пора работать.

Я потратила все деньги на эти часы, и теперь мне просто необходимо выполнить свои обязанности хорошо, чтобы было на что жить еще полмесяца. Этим я и занимаюсь. Ловко лавирую между столами, улыбаюсь, советую, если спросят, снова улыбаюсь. Моя работа несложная: надо быть приветливой, проявлять уважение и не лажать, когда ты открываешь шампанское! Это, кстати, было самым ужасным в моей новой должности: шампанское я не то что никогда не открывала! Я дико боялась это делать! Так что пришлось учиться. Благо живу я в общаге, где каждый день что-то отмечают — быстро приноровилась, а теперь делаю это, как профи! Вот так!

И вообще! Меня в ресторане уже ничего не может удивить! Я дико стрессоустойчивая! Тут снова нужно благодарить мое детство: я могу стерпеть абсолютно любое хамство, улыбнуться и промолчать. А еще я не боюсь работать и за-

марать руки, из-за чего Анфиса Георгиевна мной очень довольна.

Все складывается замечательно! Я получаю хорошие чаевые, потом беру короткий перерыв, и когда снова выхожу в зал, планирую, что именно сегодня съем на ужин. А потом происходит это...

О таком я только в книжках читала. Когда через твое тело проходит молния, и ты не можешь думать, не можешь дышать, не можешь помнить. Все стирается лишь от одного взгляда на кого-то.

На него.

За моим столиком сидит мужчина. На вид ему около тридцати, и я таких красивых людей еще никогда не видела. А может, не обращала на них внимания.

Правильные черты лица: пухлые губы, прямой нос, волевые скулы. Его черные волосы аккуратно уложены, а взгляд опущен в телефон, который незнакомец сжимает в крупной ладони с четким канатом вен и перстнем с красным камнем на мизинце.

Мамочки...

Я знаю, что гости нашего ресторана — люди далеко необычные. Конечно! Разве обычный человек может оставить половину среднестатистической зарплаты на ужин?! Вряд ли. Но этот...он как будто самый яркий, самый важный и притягательный, лакомый кусочек на столе, где каждое блюдо — деликатес.

Замечаю, как на него с интересом поглядывают женщины, которые пришли с подружками. Они переговариваются, хихикают, стреляют в него заискивающими взглядами. Черт! Даже женщины, которые пришли с другими мужчинами — смотрят на него.

Экий рахат-лукум со вкусом топленого молока и сладкого, молочного шоколада прямо под потрясающий оттенок его кожи.

Боже...

Расширяю глаза в ответ на собственные мысли, смотрю в пол.

Что это со мной? Я к мужчинам же отношусь с некой опаской, а, если честно, с откровенным недоверием. И тут на те! Пошлые комментарии, мысли и желания. Ди, что с тобой? Спятила?

Трясу головой, прогоняя морок, потом иду в его сторону. Только все равно! Если обычно я веду себя уверенно, то сейчас ловлю дикий тремор, и, конечно, все сразу идет не так.

Как только оказываюсь рядом с ним, я туплю. Надо поприветствовать, а из меня рвется что-то вроде...

- Я...эм...ну...здрате?

Мужчина медленно поднимает на меня глаза и сразу же выгибает брови. Я просто дико краснею! Открываю рот, и сколько бы не орала, не приказывала его закрыть — дудки. Мой мозг показывает мне дулю и танцует бешеные пляски по привлечению самца. Хорошо, что хоть только в моем во-

ображении...

Боже, какой позор.

Незнакомец издает тихий смешок.

- Простите?

Второй акт дебилизма после короткого антракта не заставляет себя долго ждать. Я издаю звук... и это именно звук! Ничего внятного и вменяемого! Что-то между писком, вздохом и глупым смешком.

Мужчина часто моргает.

Я его зеркалю.

Повисает пауза.

Наверно, он думает, что я — умственно отсталая... а если еще пожалуется на меня? Боже, пожалуйста, говори.

Жмурюсь и выпинываю из себя:

- Простите, чтобы вы хотели покушать?

Ох-ре-неть.

Что ты сейчас сказала?!

Я издаю уже вполне осознанный писк, краснею до состояния, при котором точно пора в ожоговый центр, ну или в психушку — подлечиться. Шепчу...

- Простите, я...я просто...

Незнакомец, а мысленно «Рахат-лукум», конечно же, усмехается.

- Зеленый чай без добавок и стейк с кровью.

Киваю пару раз, быстро записываю.

- Вы новенькая?

Ручка тормозит на бумаге, и мне опять перебивает дыхание. Решаюсь, а может, и против воли это — но я смотрю в глаза тому, кто из меня идиотку сделал, чтобы снова потеряться.

Господи, какие у него красивые глаза... черные, как ночь! Глубокие, как Марианская впадина...

Стоп! Диана! Ты опять! Слишком! Долго! Глазеешь! В себя! Приди!

Пару раз хлопаю глазами, прячу блокнот и мотаю головой.

- Не совсем. Я четыре месяц уже работаю.

- Правда?

Его ухмылка и тон заставляют меня моментально забыть о его внешности, перестать млеть глупой кошкой и не на шутку так испугаться.

Черт! Я ведь не знаю, как выглядит хозяин ресторана! А если...это он? Если...ох, боже!!!

Ловлю ступор. Смотрю на него, чувствую — умоляюще. Мужчина молча ждет. Кажется, ему нравится все, что здесь происходит. То есть моя абсолютно глупая реакция, а если еще точнее — ее отсутствие.

Но я только с виду дура, честно! Пока молчу, и слава богу, судя по тем пируэтам, что я уже успела выдать, истерично генерирую объяснения. Может быть, стоит начать с извинений? А может...

В этот момент все мои планы рушатся окончательно. Наступает третий акт моей дурацкой пантомимы.

Ремешок на часах, которые я занесла в графу единственно ценных, любимых моих вещей, предательски расходится. Вокруг все, конечно же, застывает, как в плохих мелодрамах. Или дурных комедиях.

И вот я вижу. Мужчина медленно моргает, ухмылка на его губах никуда не пропадает, но брови взлетают вверх. А мои часы плавно скользят и падают на пол...прямо к его ботинкам.

Твою...

Я прекрасно понимаю, что меня, скорее всего, уже уволили задним числом, и все равно я присаживаюсь быстро, а извиняюсь истерично.

- Пожалуйста, простите. Пожалуйста...я не хотела.

- Амир, - вдруг говорит он.

Тихо, низко и хрипло.

- Что?

Резко поднимаю взгляд, чтобы опять застыть. Кажется, его глаза стали еще темнее, а сам он еще больше... и вообще...он смотрит на меня так...я знаю как, разумеется, не ребенок уже и едва ли помню себя им. Просто от него такой взгляд в свою сторону получить — это что-то запредельное...

- Меня зовут Амир.

Какое красивое, мягкое у него имя...как оно чарует...Я тоже хочу представиться, поддаваясь ласковому течению этого момента, просто не успеваю.

Раздается тихий, но до ужаса пронзительный треск и скрежет, разрушающий все волшебство. Я резко опускаю взгляд обратно на свои часы и вижу, как прямо посередине в них воткнулся тонкий, высокий каблук дорогих, ярко-красных туфель.

- Нет... - выдыхаю еле слышно с такой болью, обидой и разочарованием...

Господи, кто бы знал только... Это такая глупость, пустяк! Скажет кто-то. И для кого-то это действительно пустяк: ну и что? Всего лишь часы, а не твои ноги или руки. Успокойся!

Но мне так... больно.

Чувствую, как глаза застилает пелена из слез, которые я смагиваю, чтобы понять: кто этот человек? Что разбил мою мечту своим чертовым каблуком!

И я вижу обладательницу этого каблука, а еще длинных ног, крутой задницы, обтянутой шелковым платьем в тон. А еще большой грудью, объемной укладкой огненно-рыжих волос, надутых, красных губ и лисьих глаз, что отражают пренебрежение и удовлетворение от своего поступка.

Радость.

Девушка хмыкает, потом тянется к Амиру и целует его в щеку мягко:

- Амир, здравствуй. Прости за опоздание...

Небрежно, но специально девушка снова надавливает на мои часы, растирая любую возможность на их ремонт о мраморный пол ресторана.

У меня начинают трястись руки.

Я знаю. Еще секунда, и меня уронит в истерику собственный эмоциональный фон. Мне уже больших трудов стоит не оттолкнуть эту гадину к черту! Ситуацию спасает Анфиса Георгиевна.

Наверно, это и значит — быть профессионалом. Безошибочно почувствовав конфликтную ситуацию, с которой ее сотрудник точно не справится, она появляется рядом и улыбается.

- Амир Аланович, добрый вечер. Вы уже вернулись в Москву? Так рады вас видеть... - она бросает на меня взгляд, на которой я отвечаю жалобно, и шепчет тихо, чтобы услышала только я, - Уходи.

И я сбегаю.

Подбираю остатки того, на что копила столько времени. Из-за чего ужималась. И так, черт возьми, мечтала! А я мечтала...

Первая моя дорогая, хорошая вещь в жизни. И плевать, что куплена с рук! Ну и что?! У меня до этого момента не было своих вещей, только когда-то давно в детстве, пока дедуля был жив и покупал мне самые красивые платья в нашем поселке.

Так что я плачу.

Горько, громко и взхлеб. Знаю, что дура. Нельзя так убиваться, но, наверно, это больше, чем просто вещь — это был знак того, что я смогла заработать на что-то свое, а значит,

вырвалась. Я вырвалась из своего ада в новую жизнь, которую так вероломно уничтожила какая-то...сука! Просто потому! Что она может!

- Это так несправедливо! - всхлипываю некрасиво, вытирая щеки пальцами, пока меня обнимает Олеся — моя любимая соседка по комнате и та, благодаря которой я в принципе здесь работаю.

Ей нечего ответить. Она и не поймет — они с сестрой приежизие, как и я, но дома их ждет любящая семья, а не пара алкашей, которые как-то оставили меня в магазине в обмен на бутылку водки.

Нет, она не поймет. Никто не поймет...

- Ди, ну не плачь ты так! Это всего лишь часы...

Киваю пару раз, закрывая лицо руками. Конечно, для тебя это просто часы, а для меня это что-то большее...только объяснить я все равно не смогу. Да и пытаться не хочу — улыбаюсь коротко и встаю со скамейки.

- Да, ты права. Пойду на улицу, немного подышу, чтобы прийти в себя.

Олеся не пытается меня остановить, а даже если и попыталась бы — это у нее едва ли получится.

Выйдя на улицу, я снова занимаю место на скамейке, натянув поильнее огромный, рабочий пуховик. Кутаюсь в него — пахнет морковкой и свежим парфюмом с нотками апельсина, значит, его носил наш повар Андрей. Мы хорошо общаемся, и я ему, наверно, нравлюсь, но мне все равно. У ме-

ня к мужчинам всегда было другое отношение, как я уже говорила, и только один из них смог меня заинтересовать.

Вот и поплатилась...

Вздыхаю, снова вытираю слезы, бережно провожу по сломанным часам кончиками пальцев.

- Мне жаль.

Вздрагиваю, чуть не уронив оплот своих стараний в мокрый снег. Ну да, не ожидала я, что ко мне кто-то подойдет сейчас — время ужина, а значит, на кухне цейтнот.

Резко поднимаю взгляд на тихий смех и замираю. В дверях служебного выхода стоит...он.

Амир.

Он не сводит с меня своих черных глаз, медленно постукивает сигаретой по ладони, а потом подносит ее к губам и усмехается, прежде чем поджечь от красивой, черной зажигалки.

На его запястье от ее огня ловит блик шикарные, золотые часы.

Я шумно выдыхаю.

- Вы...здесь?

- А вы наблюдательны.

Выдохнув дым, он отрывается от своего места, подходит ко мне и присаживается рядом.

Черт...

От него очень вкусно пахнет. Наверно, так пахнет рай...

Господи, что ты несешь? Как пошло...

- Это...служебный выход и...

- Ваш хозяин — мой хороший друг, так что мне позволено гораздо больше, чем обычным гостям.

- Я не...не хотела вас упрекать.

Амир усмехается еще раз.

- Догадываюсь. Судя по вам, вы на это едва ли способны.

И что это значит? А еще...что мне на это отвечать? Я не знаю. Теряюсь, почти ловлю новый ступор, но встряхиваю головой, отгоняя его. Я уже предстала перед ним душой, не хочу быть еще хуже...и просто опускаю глаза на часы.

Через мгновение Амир их у меня забирает, зажав сигарету губами, рассматривает и выносит вердикт.

- Это мусор.

Часы летят по месту назначения. То есть в мусорку. Я не ожидала такого, поэтому подаюсь вперед и почти ложусь на него. Разумеется, поймать не успеваю, но соображаю, что явно перешла границу, и даже если он сделал это первым — мы не на одном уровне.

Нам позволено не одно и то же в этой жизни...

Отшатываюсь, но хмурюсь со злостью.

- Зачем вы это сделали?!

Амир ловит короткий ступор, но сбрасывает его быстрее меня — опять усмехается, вытаскивает сигарету и выдыхает дым, а потом говорит.

- Не храните сломанные вещи. Синдром Плюшкина — дело губительное.

- Синдром...Плюшкина?

- По-научному хоардинг. Психическое заболевание, при котором человек собирает вещи, которые ему не нужны, и отказывается с ними расстаться.

Я аж опешила! Он что...только что назвал меня ненормальной?!

- Ну, знаете! - резко вскакиваю и щурюсь, мечтая проделать в этой надменной (и все еще такой красивой) физиономии пару дыр, - У меня нет никакого синдрома...Плюшкина! Или...харлинга вашего!

- Хоардинга.

- Да хоть Роулинга! Я, может быть, и работаю здесь, но это не значит, что вы можете...так со мной!

- Я пока с вами «никак», Диана.

- Откуда вы знаете мое имя? - хмурюсь, он вальяжно раскидывается на спинке скамейки и с улыбкой жмет плечами.

- Спросил — и мне ответили.

- Зачем?

- Вы знаете мое имя, и я хотел нас уравновесить. Теперь мы на одном уровне.

Фыркаю.

А то как же, ага.

- Пойду работать. Извините.

Делаю шаг в сторону двери, почему-то чувствуя такую злость. Одного уровня?! Это хуже любого оскорбления — его насмешка, которую я вижу в этих словах.

Амир не дает мне уйти. Вдруг он хватается меня за руку, и это снова происходит. Меня опять бьет током. Я замираю и не могу отвести глаз, которые, кажется, попали в его ловушку...

Он улыбается. Совсем слегка, еле уловимо, но так...красиво, загадочно, притягательно.

Господи...как будто не человек вовсе, а...кто-то другой. Совершенно другой...особенный.

Завороженно смотрю, как он снимает свои часы, а потом одевает их на мою руку.

- Надеюсь, это высушит слезы на вашем лице, Диана.

Я пару раз моргаю, перевожу взгляд на его дорогие часы, которые все еще хранят жар его кожи, потом опять смотрю в глаза. И шепчу...

- Я...не могу...

- Можете.

- Свои часы я купила с рук, Амир Аланович...

- А свои я купил в Швейцарии, ну и что?

- Я не...

Слова застреваю в горле, потому что Амир встает и делает на меня шаг, прежде выкинув сигарету вслед за моими часами — в мусорку.

Он слишком близко.

Он настолько близко, что я, кажется, слышу биение его сердца. Или это мое? А еще не могу отвести от него взгляда. То есть — никак! И конечно же, не могу даже мысленно по-

пытаться восстановить дистанцию.

Я просто смотрю — и он смотрит. Разглядывает меня. Пристально, цепко, и так, что у меня низ живота скручивает и тянет. Мурашки побежали...боже, я сейчас в обморок шлепнусь!

Словно прочитав мои мысли, Амир усмехается, потом подцепляет указательным пальцем непослушную прядку волос и убирает ее за ухо.

- Если хочешь поблагодарить — называй меня Амир, Диана. До встречи.

Он отрывается от своего места и, засунув руки в карманы брюк, уходит к своей машине, которая припаркована фактически в паре шагов от входа! А значит, он действительно хорошо дружит с нашим владельцем, да? Это закрытый двор. Ключ сюда есть у ограниченного числа лиц...

Господи, о чем ты думаешь? Это сейчас важно? Нет.

Надо что-то сказать!

- Будем рады видеть вас в нашем ресторане, - блею глупо, но заставляю его на миг замереть и обернуться.

В тусклом свете уличного фонаря я вижу усмешку на его губах, а в шелесте ветра улавливаю тихий шепот:

- Ты будешь рада гораздо раньше, чем ты думаешь, Диана. А может, мне это только показалось?...

Потом я долго буду держать его часы в своих ладонях, лежа под тонким одеялком со смешными собачками Корги. И думать...

Мне слышалось? А если нет... что это значило?

«Зависимость»

Диана

Мы доезжаем до моего дома в глухой тишине.

В сухом остатке — это всего лишь пятнадцать минут, сотня домов, огней и перекрестков. За окном сменяются красивые пейзажи. Москва все так же прекрасна. Она вообще намного лучше в ночи: ярче открывается, ярче блестит и сильнее манит. Кого-то точно, а мне так плохо, что любимый город оставляет все новые и новые раны на сердце.

Именно здесь я встретила его.

На улицах Москвы-предательницы, которая свела нас в одной точке, чтобы все у меня случилось впервые: цветы, свидание, поцелуй, секс...

Я чувствую себя преданной! И своей мечтой, и им. Им...

«Диана, так надо...» - возникают в голове отголоски прошлой ночи, когда он сидел ко мне спиной, пока одевался.

Нет, я не хочу вспоминать.

Жмурюсь, сильнее сдавливаю свои пальцы, тихо всхлипываю. Амир каждый раз морщится, будто я доставляю ему неудобства своими «лишними, иррациональными» эмоциями...да я и доставляю. Он не любит слез. И он, наверно, даже не понимает, почему я расстраиваюсь? После того как он убил не один час, чтобы объяснить мне «положение дел». А оно простое, если слить лишнюю воду: я никогда не смо-

гу жениться на тебе, потому что моя семья тебя никогда не примет.

И он...

Я знаю, что он меня стыдится. Однажды в торговом комплексе мы встретили его тетюшку, и он представил меня, как свою помощницу. Потом, конечно, он объяснил, что она хорошо общается с Белитой, а ему не нужны проблемы, но мне от этого легче стало? Нет.

Это было больно и унижительно.

Черт, надо было сразу уходить...

- Надень туфли, - командует тихо, когда заглушает мотор моей машины на подземном паркинге дома.

Я подчиняюсь. Нет, не потому что мне вдруг захотелось стать покорной, похожей на его «Белу», а потому что у меня тупо не осталось сил на сопротивление.

Свадьба была не у меня, а смертельно устала я. Хм, это забавно.

Когда я одеваюсь, Амир выходит из машины и ждет меня рядом, а когда я подхожу, он молча поворачивается в сторону лифтов.

Плетусь следом.

Как на казнь, обратно в свою золотую клетку...

Мы поднимаемся на тридцать пятый этаж молча. Амир кому-то пишет сообщение, но я даже не пытаюсь заглянуть. Смотрю в одну точку, молчу, сжимаю себя руками.

Наверно, он просит прощения у своей жены. За то, что

ему пришлось потратить их время на свою любовницу...

Любовница...

Есть женщины, которым нравится это слово. Они считают, что оно напрямую связано с любовью. Мол, где-то там, в лоне семьи он ее не получает. Приходит ко мне. Ха! Ко мне! Но я считаю иначе.

Это грязное слово. Оно пошлое и оскорбительное. От него сразу хочется отмыться и почистить зубы кислотой! Но так и есть. Я действительно хотела любви. С ним. Я ее планировала, я мечтала о будущем, о детях и о свадьбе, а получила? Сомнительный статус любовницы. Любимой игрушки. Но свадьба была — да, тут я не могу, конечно, отрицать очевидно. Только не со мной...

- Ты идешь? - тихо спрашивает он, когда двери открываются, а я все стою.

Потому что...нет, я не хочу идти. Больше всего на свете я мечтаю об обратном: сбежать на край света подальше от тебя...

Амир будто читает мои мысли. Он не дает мне и слова сказать, закатывает глаза, а потом берет меня за руку и тащит к квартире.

- Твою мать, Диана, неужели это обязательно?!

Молчу.

Наверно, нет. Необязательно, но по-другому у меня не получается. Сегодня все мои надежды окончательно умерли, а это неприятно — носить в себе их маленькие трупы, а еще

это тяжело — дышать сквозь рухнувшие блоки розовых замков. Пусть они ничего из себя не представляют, кроме фантазий, но то, на чем строятся эти самые замки — они тяжелее всей планеты.

Амир открывает квартиру, которая встречает нас тишиной, темнотой и запахом моих любимых лилий. Я ежусь. Не закрыла окно...

- Господи, как холодно...Диана, твою мать!

Он рычит, затаскивая меня в квартиру, потом, не разуваясь, проходит вглубь. Я включаю свет. Слышу, как он закрывает окна, пока я снимаю туфли и скидываю тонкую накидку, которая валялась на моем пассажирском сидении.

Хорошо, что я взяла ее, иначе околела бы точно...

Амир появляется за моей спиной на кухне, когда я подхожу к гарнитуре, чтобы налить себе воды. Я чувствую, что прожигает место между лопатками, но не отвечаю. Не хочу. Да и не могу, наверно...

- Может быть, ты объяснишь мне, какого черта это было?!
Замираю на мгновение. А что мне сказать?

Жму плечами.

- Я уже сказала. Мне хотелось посмотреть...

- Диана!

Снова рычит, а потом быстро подходит, дергает меня за руку, чтобы я посмотрела ему в глаза.

Амир не любит, когда с ним говорят так: то есть, стоят спиной и не смотрят в глаза. Будто он чувствует, как теряет

власть, и ему это очень не нравится...

Из-за того, что он меня опять мотает из стороны в сторону, как свою тряпичную куклу, я проливаю воду прямо на его красивую рубашку.

А потом усмехаюсь этому.

- Упс. Кажется, я испортила твой свадебный наряд...

Амир прищуривается.

- Сколько ты выпила?

- Какая разница? - вырываю руку и обхожу его, чтобы нарастить дистанцию, - Иди. Тебя потеряли, наверно...

Его снова не устраивает мое поведение. Амир нагоняет меня на середине гостиной, опять хватает и разворачивает на себя.

- Кажется, я задал тебе вопрос! Сколько ты выпила?! И какого черта ты приехала...

- А что?! - повышаю голос, вырываюсь и дергаю головой, роняя горячие слезы, - Испугался, что меня увидит твоя семья?!

- Заткнись, Диана!

Амир наступает, уперев палец мне в лицо.

- Сейчас, твою мать, тебе лучше завалить нахрен!

- Что? Не нравится?! Твоя семья...

Он выходит из себя. Схватив меня за предплечья, до боли сжимает их, вонзив пальцы, трясет и орет.

- Да что ты вообще знаешь о семье?! Нихрена! Твоя семья — это сборище алкашей и наркоманов, которые своего ре-

бенка за бутылку водки продадут! Поэтому завали! Не смей о них говорить в таком тоне, ты меня поняла?!

Я его боюсь. В этот момент мне действительно страшно, но я хорошо знаю, как в таких ситуациях действовать. Нельзя провоцировать. Надо просто подождать, пока он успокоится...

Страшнее другое, если честно. Что он использует мои секреты, которые я рассказала ему... Он использует это против меня! Унижая, делая еще хуже, будто разбитого сердца недостаточно. Надо втоптать меня в грязь, да? Так тебе станет лучше?

Жмюрюсь. Нет, этого не может быть... не может. Он не мог так сказать. Я все себе придумала. Он не мог...

Натягиваюсь, как струна. Я жду. Не провоцирую, стараюсь не всхлипывать, не дышать и не быть. А главное, не смотреть. Ведь это страшно — понять, что твой любимый человек мог с тобой так... жестоко...

Амир тяжело дышит. Он продолжает держать меня в своих руках, но уже мягче, а потом притягивает меня к себе и обнимает.

- Черт, малыш, прости. Я не хотел, просто...

- Ты все правильно сказал, - хрипло шепчу, выбираюсь из его рук, но по-прежнему не смотрю, киваю только пару раз, - Я — детдомовка при живых родителях, которых родителями назвать сложно...

- Диана...

- Хватит уже. Я устала. Завтра соберу свои вещи и уеду. Хочешь, могу сделать это сейчас — мне, если честно, уже все равно. На улице тепло, а мне не привыкать спать под открытым небом.

Разворачиваюсь и ухожу в спальню.

Я хотела его зацепить, и, надеюсь, у меня это получилось. Хотя...опять же, какая разница-то? Я знаю, что Амир не выставит меня на улицу ночью. У меня есть время до завтра.

Я снимаю свое платье, а потом забираюсь в постель и смотрю в окно. Оно в пол, модное, панорамное. Кровать стоит рядом с ним. Мне нравилось когда-то лежать и смотреть на город, будто я парю над ним. И нравилось быть с ним здесь. На одном облаке. Выше всех проблем.

Мда...тогда я и не думала, что буду делать, когда моя украденная сказка кончится. Давайте начистоту, так не бывает: бизнесмен и официантка, богатый наследник и детдомовка, девственница и циничный ублюдок — все это красиво для каких-нибудь сериалов, но в жизни недееспособно.

Между нами пропасть.

Она примерно как этот тридцать пятый этаж, умноженный на бесконечность. Разные традиции, семья, которая никогда меня не примет, его правильная жена, социальный статус. Да, может быть, если бы я могла дать им какие-то привилегии, имея заряженного отца, тогда, возможно, разговор имел бы место быть. Но это не так. Мои родители — отбросы, а я — дочь отбросов. Одета красиво за его деньги, живу

в хорошем месте по его милости, но факт остается фактом.

Амир мне это напомнил.

Это почти «кто ты, а кто я?!». Просто по-другому сказанное...

Дверь в спальню тихо открывается. Я слышала, как он орал что-то на своем языке. Наверно, его потеряли на свадьбе...

Жаль.

Мне правда жаль, ну или я притворяюсь? Какая разница?

Амир ложится рядом. Я чувствую жар его горячего тела, прикрываю глаза.

- Тебе пора.

- Замолчи, - шепчет он, оставляя поцелуи на моих голых лопатках, - Я там, где хочу быть.

- Это неправда.

- Замолчи, Диана.

Огненные ладони ложатся мне на бедра.

- Ты стесняешься меня.

- Когда ты ведешь себя плохо? Да.

- Как бы я ни вела себя — это всегда будет плохо.

- Замолчи...

Он двигает меня ближе, слегка прикусывает кожу, но потом сразу целует и идет выше к шее. Втягивает носом мой запах, упираясь в поясницу тем, что в теории должно подтвердить его слова? Но я знаю, что ты хочешь меня. Разговор сейчас не об этом...

- Я хочу расстаться с тобой.

- Не хочешь, - Амир улыбается, - Глупости не говори.

- Амир, пожалуйста...это выше моих сил.

- Ничего не изменится. Бела — моя жена для семьи, а

ты...

- Твоя любовница.

- Диана. Не переиначивай. Ты — моя женщина. Я люблю тебя. Посмотри? Я же здесь, я не уехал.

- Но ты уедешь. У тебя медовый месяц...

На мгновение он замирает, но потом его руки снова от-
правляются в путешествия по моим нервам.

К груди.

Сжимают их. И меня изнутри...

- Малыш, давай не будем об этом?

Мне надо об этом. А еще мне надо оттолкнуть его. Только
это выше моих сил.

Это похоже на зараженный кислород. Ты знаешь, что его
нельзя впускать. Он — яд. Но ты не можешь не дышать и
впускаешь...

Я поворачиваюсь и целую его. Амир моментально заря-
жает меня страстью, и я зажигаюсь, впускаю его еще глубже.
Знаю, что это — моя погибель. Он — мой яд. Он меня уни-
чтожит, но я безвольна.

Рядом с ним...я себя не контролирую.

Люблю. И хоть что делай — я его люблю, тянусь, и пока он
движется во мне, тихо стонет, я смотрю в потолок и плачу.

Это любовь, как зависимость, не приносит мне счастья. С тех пор, как я прочувствовала ее обратную сторону. Ту, что не приятно показывать, пока ты не подсядешь окончательно...Но я не знаю, как развязаться. Он может делать все, что хочет, а я все равно буду тянуться.

Потому что я уже подсела, а о существовании побочных эффектах вспомнила лишь тогда, когда узнала о существовании его будущей жены.

«Небожитель»

Диана; десять месяцев назад

Всю неделю я засыпала с его часами в руках, прижимая их к груди. Конечно, о том, чтобы их носить не было и речи. Я бережно прятала их мое главное сокровище. Они стали чем-то сокровенным, свидетелем нашего разговора, и что он действительно был! И мне не приснился!

Иногда так казалось.

Я сто раз перевернула в голове те последние слова, которые сказал Амир, перед тем как уехать, и увидела в нем намек на скорую встречу. Но вот прошла неделя, а его все не было... Я грустила. Каждый раз выходя из кухни в зал, придирчиво и цепко осматривала столики — а вдруг он вернулся? Вот сейчас? Сегодня?

Я его ждала...

Но каждый раз натыкалась на неизменную, зияющую пустоту внутри бушующей толпы. Наш ресторан — это очень модное место, куда попасть невероятно сложно! Очереди на брони столиков на пару месяцев расписаны, так что здесь всегдалюдно, шумно и...одиноко, потому что Амира я больше не видела.

Наверно, он и не придет... Да он и забыл о тебе вообще! Господи, Диана. Ну сто раз просила тебя — не будь ты ребенком! Не придумывай себе того, чего быть не может.

Например, его интереса?

Какой интерес?... Амир был здесь с шикарной женщиной, ты, что...забыла?

Нет, к сожалению, я не забыла. Помню каждую деталь ее образа, и это вгоняет меня в еще большую тоску. Ее одежда — это произведение искусства из дорогой, хорошей ткани, о которой мне остается только мечтать и надеяться, что когда-нибудь, в далеком будущем, и я смогу покупать себе похожую. Пока это далеко не так. Сегодня на работу я пришла в своих единственных джинсах! Они уже потеряли былой цвет, а еще у них на правой коленке стоит заплатка — осталась после очередной разборки в детском доме. Мой шикарный туалет дополнен белой футболкой с Винни Пухом, а кеды... Черт, это вообще позор, конечно. Как говорил Джон Сноу: зима близко, а ты в кедах, дура! Надо было зимнюю одежду покупать, а не часы, балда!

Закатываю глаза и киваю. Да, знаю. Нерациональное расходование средств, на которое я не имею права, но так хотелось себя порадовать...

Порадовала.

Часы отправились в утиль, на их место мне дали другие, конечно...

Ой, какой бред. Надо завязывать. И ждать его, и думать о нем, снова и снова натыкаясь на образ в своей голове, который так прочно засел там, словно уходит и не собирается.

А он тебя даже и не помнит, наверно...Мда, до чего же

жизнь бывает забавной, согласишься, Диана. Для кого-то ты — номер один, хотя ты его даже не замечаешь...

- Эй, привет, - Андрей подсаживается ко мне на скамейку с очаровательной улыбкой, из-за которой на его щеках появляются милые ямочки.

Я киваю и улыбаюсь в ответ.

- Привет.

Делаю глоток кофе, чтобы скрыть некую неловкость. Да, я знаю, что я приглянулась Андрею. Он то принесет что-нибудь сладкое на кофе-брейк, то предложит проводить до общаги, то пригласит на танец, на единственном корпоративе, который я застала. В общем, выказывает знаки внимания, но, слава богу, не идет дальше. Пока он ни разу не попытался пригласить меня куда-то, и я рада. Не думаю, что смогу разделить с ним его желания, ведь не хочу, если честно, даже слышать и утверждаться в них окончательно.

Если он пригласит меня — назад дороги уже не будет. Придется обозначить свою позицию относительно парней, с которыми я не хочу встречаться.

Только, видимо, судьба именно сегодня ко мне неблагоприятна.

Повисает странная пауза, которая во мне вызывает смешанные эмоции от «пожалуйста-не-надо», до «господи-только-не-это».

Но, господи, это.

Андрей хмурится, глядя перед собой, словно на что-то ре-

шается, и меня захлестывает волнение.

Нет. Нет. Нет...нет!...

- Слушай, я хотел предложить...

- Пожалуйста, не продолжай, - шепчу, Андрей удивленно переводит на меня взгляд.

- В смысле?

- Ты хотел пригласить меня на свидание?

Предпочитаю говорить в лоб и сразу расставлять акценты. Тянуть — ой, боже, нет! Я этого просто не выведу.

Он поджимает губы. Молчит. Точно...это все-таки случилось.

Вздыхаю и перевожу взгляд на чашку кофе в своих руках.

- Слушай, я не хочу показаться грубой...

- Ты даже договорить мне не дала, - резко возвращаюсь к его глазам и вижу там неподдельную злость, - Сомнительно как-то.

- Прости, наверно, надо было? Просто... я, если честно, в ужасе.

Андрей смягчается от моей искренности, и это хорошо. Я действительно не хочу его обижать...

- Тебя никогда не приглашали на свидание?

- Нет.

- Не волнуйся, это не страшно.

- Дело не в этом.

- А в чем?

- Я решила, что отношения для меня — это...кхм, рос-

кошь.

- В смысле? - усмехается, я дергаю плечами и одним глотком допиваю кофе, чтобы поскорее закончить этот разговор и найти предлог свалить и не оставить его на то, чтобы остаться.

Встаю, поправив фартук и куртку на своих плечах.

- Мне нужно посвятить себя учебе, понимаешь? Отношения забирают слишком много времени, а у меня его совсем нет. Прости.

- Суровые правила.

- Я хочу выбиться в люди. Для этого нужны четкие ориентиры и границы. Уверена, что тебе встретится хорошая девушка, но это буду не я. Прости еще раз.

Он кивает и улыбается так, будто я сказала что-то смешное. Понятно, значит, не верит...

- Я подожду, когда ты немного расслабишь эти самые границы.

Ну точно.

Борюсь с желанием закатить глаза и фыркнуть. Нет, этого лучше не делать. Я свои мысли обозначила, и не мои проблемы, что он их проигнорировал.

- Пойду работать.

Андрей усмехается.

- Быстрый у тебя кофе-брейк получился. Сбегаешь?

Очевидность, которую я решаю не подтверждать. Просто улыбаюсь и ухожу — может быть, в следующий раз мне надо

будет вести себя пожестче, потому что, кажется, это все-таки мои проблемы тоже.

Черт.

Ну вот что за день такой?

Поправляю свою одежду в туалете, заглядываю себе в глаза. В голове снова возникает образ Амира, но я отгоняю и его, чтобы не отвлекаться.

Конечно, на него мои границы едва ли распространялись бы, но он мечта. Как герой кинофильма, от которого ты тащишься, вешаешь его портрет на стену и знаешь, что никогда с ним не будешь!

Мой небожитель. И эти воспоминания, когда мы были так близко, очень приятно бережно прятать у себя под подушкой... но на этом все.

Да. Все.

Киваю себе еще раз, опять одергиваю одежду и выхожу обратно в раздевалку.

Из кухни раздается *живой* смех Луи.

Странно.

Это действительно странно. Обычно этот гад не смеется так. Иногда мне кажется, что он неспособен и вовсе быть приветливым, а сейчас его интонация буквально искрит от доброжелательности!

Что там происходит?

С любопытством прохожу короткий коридор и попадаю на кухню.

Где буквально замираю... прямо в дверях.

Весь состав моей смены стоит у раздаточного стола. Повара улыбаются у своих рабочих мест. Анфиса Георгиевна тоже здесь и тоже улыбается. Но мне неважно все это. Все неважно! Мой мир сходится на одной точке: на Амуре.

Он стоит ровно посередине. На нем белая рубашка с расстегнутыми на груди пуговицами, черные, классические брюки и уже другие, золотые часы. И как он хорош, господа... Меня дико раздражает местное освещение, которое чем-то напоминает холодный свет тонких, больничных ламп, но даже это его не портит! Оттенок его кожи, напомнивший мне сладкое какао, сияет. Да и он сам... блестит.

Все люди вокруг моментально становятся обычными статистами. Просто декорациями, которые так потрясающе подчеркивают его... силу, уверенность и значимость.

Он возвышается над всеми! Даже над Луи, который пусть и обладает «сухим» телосложением, но обычно занимает абсолютно все пространство своими истериками и капризами — сейчас он отступает. Меркнет. Принимая на свое место совсем другую энергетику. Спокойную, взвешенную, но довлеющую.

Абсолютную.

Амур слушает треп Луи с еле заметной усмешкой, как вдруг резко поднимает свои черные глаза на меня.

Господа...

Я моментально вспыхиваю и, кажется, теряюсь в про-

странстве. Нога соскальзывает с небольшого порожка, и я шумно приземляюсь на пол.

Привлекая всеобщее внимание.

Черт!

На меня оборачиваются абсолютно все, и я краснею еще сильнее, но взмахиваю рукой, мол, простите-извините, это всего лишь я.

Луи закатывает глаза.

Следующий комментарий мне хотелось бы стереть из своей памяти, но я помню, к сожалению, каждое слово...

- Понабрали непонятно кого. Анфиса, вы явно теряете хватку. Видите, Амир? Что за безобразие твориться, пока вас нет?

Я краснею еще сильнее и упираюсь глазами в пол, прежде словив сочувствующий взгляд Олеси.

Ну, приехали. Просто огонь...

- Луи, не все могут быть настолько совершенны, как вы, - парирует Анфиса, становясь на мою защиту, - Нужно быть терпимее к людям.

Последний совет он пропускает мимо ушей, разумеется, а слышит только то, что хочет — то есть, комплимент своей потрясающей персоне.

- Конечно, не все могут быть мной! Я гений! - и смеется мерзопакостно.

Так, что хочется снова закатить глаза, что я, собственно, и делаю. А потом слышу *еготихий* смешок...

Резко смотрю на Амира. Все это время он не сводил с меня глаз и, конечно, моя шалость не осталась незамеченной.

- Познакомьте меня с новым персоналом, Анфиса? - вкрадчиво, тихо говорит.

Я хмурюсь.

Только сейчас начинаю...доходить. Во все, что здесь сейчас произошло...

Нет, стоп. Этого быть не может!

- Конечно, - улыбается начальница, - Это же ваш персонал.

- Точно, - не без удовольствия отвечает Амир, подмечая все гаммы чувств, которые отражаются на моем лице.

А я знаю, что они там прописаны! Я не умею скрывать свои чувства. Никогда не умела, за что часто огребала по жизни, но что поделать? Таков злой рок, если врать и играть не научилась.

- В этой смене у нас прибавилось две официантки. Олеся — моя младшая сестра, и ее соседка по комнате. Диана.

Амир бегло кивает Олесе и снова сосредоточивает все внимание на мне.

Черт...он смотрит слишком пристально, и это начинают замечать... я вижу, как меня снова касаются взглядом абсолютно все в этой комнате, но на этот раз...совсем иначе. Без усмешки, но с явным интересом, который мне не нравится. Я не знаю, куда деться. Да и оторваться от него не могу — снова! Отвечаю на взгляд...

Может быть, это шутка? Он сказал, что хозяин ресторана

— его друг! Но...нет, это не может быть он. Или может?

Наверно, вопрос прописан у меня на лице, так как дальше Амир подбирается, расправляет плечи и кивает.

- Рад приветствовать вас в своем ресторане. Надеюсь, вас устраивает работа и условия.

Я шумно выдыхаю, вызывая в нем усмешку. А потом он делает на меня шаг...

- Диана. Мы уже имели честь с вами пообщаться, но у меня остались кое-какие вопросы.

- Воп-просы? - тихо переспрашиваю, он с улыбкой кивает.

- Да. Некоторые...нерешенные моменты, которые не дают мне покоя.

Ну, конечно...я говорила с ним, как дура, а теперь огребу. Черт...

Растерянно моргаю, и снова: наверно, я слишком очевидна, потому что Амир уточняет мягко.

- Ваши часы. Они сломались по моей вине. Не могу это пережить, как ни старался.

Снова растерянно моргаю. Он что...серьезно? Но...как же...

- Для решения этого вопроса, кажется, нам нужно будет отъехать.

Расширяю глаза, потом сразу бросаю взгляд на Анфису Георгиевну. Та поджимает губы. Почему-то недовольно. Черт! А если у них с Амиром отношения, которые выходят за границы профессиональных? И она...не знаю, приревнует

меня к нему? Это, конечно, бред, но все же? Блин...

Амиру, кажется, плевать. Он тоже бросает взгляд на Анфису Георгиевну и поднимает брови.

- Не против? Надеюсь, мой ресторан не встанет без Дианы? Освободишь ее для меня?

Она натягивает на лицо пластмассовую улыбку и кивает.

- Конечно, Амир Аланович.

- Отлично. Я буду ждать тебя в машине, Диана. Надеюсь, ты запомнила ее?

Киваю глупо. Он улыбается в ответ.

- Тогда иди переодевайся.

- Но...

Мое «но» остается не услышанным. Амир вовлекает в разговор Анфису Георгиевну и уводит ее в зал, а я остаюсь болтаться где-то между реальностью и сном.

От автора:

Визуал: <https://litnet.com/ru/blogs/post/623252>

«Тебя предупреждали...»

Диана; десять месяцев назад

Я не знаю, что чувствую. В прострации поворачиваюсь обратно к раздевалке и бреду до своего шкафчика. Слышу, что меня преследует Олеся. Она задает кучу вопросов за секунду, но у меня своих в голове их миллион и маленькая тележка! Так что я только киваю и жму плечами. Конечно, такие ответы ее не устраивают, а работать надо. Тогда Олеся уверенно кивает:

- Мне надо бежать в зал, но! Сегодня вечером ты все мне расскажешь, поняла?!

Киваю еще раз, развязывая пояс на своей талии.

Черт...что происходит? Нет, я правда не могу прийти в себя. Она сбегает быстро, а я продолжаю плыть в своем киселе. Иду в уборную, переодеваясь, потом смотрю на себя в зеркало.

Что это только что было? Боже...зачем он? Он же...боже!!!

Чертыхаюсь, расплетаю по-быстрому волосы и убираю их в хвост. От косы они немного завились, поэтому расчесывать и оставлять их распущенными не вариант. Я буду похожа на одуванчик! А еще эта гадская футболка с Винни-Пухом.

Черт...

Прикрываю глаза. Почему я не надела что-нибудь другое?

Хотя бы мой бежевый свитер...он симпатичный...ну какого...черт?!

Конечно, я понимаю, что любая моя одежда едва ли сразит такого мужчину в самое сердце, но футболка с Винни-Пухом? Серьезно?! Это фаталити.

Или злой рок. Судьба. Которой доставляет колоссальное удовольствие тыкать носом в то, как мы на самом деле далеки друг от друга.

Чтобы не мечтала слишком много.

А я разве много мечтаю?

Ну ладно, много. Но я и не надеюсь ни на что! Это нереально! Я все понимаю! Но...

Ладно. Стоп. Хватит.

Прекрати.

Может быть, он хочет купить мне часы, взамен старых? А свои забрать? Это нормально. Человек погорячился — так бывает. И все. Все! Вполне возможно, мы просто договоримся о возмещении! Если повезет, мне даже не нужно будет раздеваться, и он никогда не увидит эту проклятую футболку...

Соглашаюсь с собой, а потом выхожу в раздевалку, чтобы сложить свою форму и забрать рюкзак. Судя по всему, на работу я больше не вернусь, но даже если и вернусь — просто перестрахуюсь.

Так, ладно...

Подхожу к шкафчику и снимаю с крючка вешалку, как

вдруг со спины звучит голос.

- Теперь все понятно...

Вздрагиваю всем телом и резко оборачиваюсь. У поворота к выходу стоит Андрей и смотрит на меня тяжелым взглядом. Полным какой-то необоснованной претензии.

Я хмурюсь.

- Что тебе понятно?

- Почему ты *на самом деле* отказала мне.

- Прости?

Он слегка жмет плечами и ядовито усмехается.

- Да ладно. Я понимаю. Всего лишь повар против хозяина ресторана? У него гораздо больше возможностей... помочь тебе *выбиться в люди*, малышка.

Гадкая инсинуация оскорбляет до глубины души, но я не знаю, как мне на это ответить. Поэтому выбираю никак не реагировать в принципе, отворачиваюсь и продолжаю заниматься своими делами.

Андрея это явно не вдохновляет.

- Так что?

- Что «что»? - раздраженно дергаю кофту, он улыбается.

Я это чувствую. Снова перед глазами возникают его ямочки, только теперь они не кажутся мне такими уж очаровательными...

- Не будешь отрицать?

Достал.

Резко оборачиваюсь и повышаю голос.

- А я обязана?! Я тебе что-то обещала?! Мы встречаемся?!

Нет! Вот и отвали!

Наверно, этого должно быть достаточно, чтобы пояснить. Обычно. Только не в этой ситуации... Андрей лишь на мгновение ловит ступор, а стоит мне отвернуться обратно к шкафчику, как издает мерзкий смешок.

- Ты права. Мелкие потаскушки вроде тебя, вообще ничего и никому не должны.

Замираю.

- Да и стоит ли на тебя злиться? Говорят, что шлюха — это не профессия, а состояние души.

- Как ты меня назвал?! - снова смотрю на него, даже если не хочу — просто на рефлекс.

Так неприятно...

Меня незаслуженно облили грязью! А этого все еще мало...

Андрей криво усмехается.

- Так что? Каково это — сосать хозяйский член? Говорят, он сладкий только первое время. Потом становится горьковато...

- Ты мне ответь, - шепчу хрипло, - Работаете на него, а значит, гораздо дольше сосете его член. Так как? Он сладкий только вначале?

Я собой довольна. Звучит, как мне кажется, довольно красиво, и пусть на душе моей кошки скребутся, а в горле встала

огромная таблетка, и я вот-вот расплачусь. Из-за несправедливости и отвратительных оскорблений, что липнут ко мне грязью, от которой безумно сложно отмыться...

Вот что думают все, да? Что я...ох, боже.

От мыслей отвлекает мужчина. Точнее, его реакция. Андрею не понравилось мое злословие, даже учитывая тот факт, что оно — всего лишь ответ на его грубость. О нет. Он может, а ты нет. Неписанное правило всех ублюдков, вроде моего папаша, который всегда делал точно так же. Оскорблял, бесконечно унижал и злился непонятно на что, а ты терпи. Стой и сноси.

Но я устала! Быть незаслуженно оплеванной...

Андрей делает на меня резкий шаг, я сильнее впиваюсь пальцами в вешалку. Если сделает еще один — я точно в него запущу ее! Но этого не происходит.

Они похожи с моим отцом — это факт, но моему отцу терять уже нечего. Да и я «его говно», как он часто орал в приступе очередной белки, так что не подам заявления в полицию. Андрею же такой милости не светит. Да и терять ему есть что. Например, свободу? За нападение. Или хотя бы хорошую, денежную работу? Нет, он не станет. Он просто добавляет, выплевывая каждое слово:

- Запомни кое-что, Диана. Сейчас ты на коне, но Амир трахает все, что движется. Ты не первая сучка, которую он натянет на свой хер, а потом выбросит. Так уже было много раз. Ты не особенная! И я...

- Что здесь происходит?

Тираду перебивает Анфиса Георгиевна.

Боже, как же я рада ее видеть! Ведь на самом деле, нахожусь в совсем крохотном шаге, чтобы не расплакаться. При нем это делать — себя не уважать! Но слова...его жестокие, злые слова попадают в самое сердце.

Мне страшно, что это правда.

У него были романы на работе? И сколько? Это правда?...

- Ничего, - усмехается Андрей, - Просто болтаем.

- Тебе платят не за то, чтобы ты болтал, - холодно отвечает она, - Иди работать. Или я все сделаю, но премии тебя лишу!

Думаю, этот козел не против нахамить и Анфисе Георгиевне, но благоразумно проглатывает свой яд сам. Надеюсь, отравиться, а пока просто уходит, оставляя нас с ней наедине.

Начальница еще какое-то время смотрит ему в спину, давая мне шанс прийти в себя. Я цепляюсь за полку, дышу и молюсь: только не плачь, не плачь! Умоляю!

- С тобой все нормально? - тихо спрашивает она, я киваю пару раз, не открывая глаз.

Конечно, нет. Скорее всего, она слышала достаточно, чтобы это понимать, и теперь подходит ко мне и кладет руку на плечо, чтобы я почувствовала поддержку.

Спасибо.

- Все, правда, нормально, Анфиса Георгиевна.

- Я же говорила, что наедине можешь обращаться ко мне

просто Анфиса.

Ее голос мягкий.

Она вообще ко мне хорошо относится с самого первого дня, как Олеся взяла меня к ней в гости. Анфиса живет хорошо. Она снимает крутую однушку с хорошим ремонтом недалеко от ресторана, и когда я спросила, а почему Олеся не живет с ней? Та фыркнула. Мол, еще чего! Не хочу жить с сестрой! Я — самостоятельная!

Я этого не поняла. Но и она не поняла бы, скажи я ей что-то против. Конечно, мы дети совершенно разных семей, и когда у тебя дом — полная чаша, ты просто не сможешь представить, как кто-то может завидовать возможности жить со старшей сестрой.

А я позавидовала.

Не по-черному, конечно, а просто...ну, знаете, как факт. Что у кого-то есть такая возможность — быть ближе со своей семьей.

- Простите, я по привычке, - силюсь улыбнуться и смотрю ей в глаза, - Спасибо.

Анфиса остается взволнованной. Я понимаю из-за чего: Амир. Она не говорит, но и не нужно это...

Боже, а если у них действительно роман, и тут я...

- Анфиса, я хотела...

- Будь аккуратна, - вдруг перебивает она меня, на что я хмурюсь.

- В смысле?

- Диан, давай ты не будешь строить из себя дурочку, ладно?

Черт...

И правда, наверно, у них роман...

Прикусываю губу, а потом снова бросаю на нее взгляд и пытаюсь оправдаться.

- Анфиса, клянусь. Между нами ничего нет и не было. Не будет. Я клянусь! Я...

Она выгибает брови и вдруг начинает смеяться.

Хмурюсь еще сильнее.

- Трогательно. Боишься, что у нас роман, и я ревную?

А нет? Так и хочется спросить, но я тоже веду себя благородно. В конце концов, даже если у нас особые отношения, это не дает мне права хамить...

Анфиса тихо цыкает.

- Амир не в моем вкусе, но...

- Но?

- Диана, не воспринимай мои слова в штыки, окей?

- А должна?

- Скажем так...раньше было и такое.

- Раньше?

- Амир — очаровательный мужчина, - игнорирует она меня, понизив тон и сделав шаг ближе, - Он красивый. Он богатый. Он умный. Но.

- Но?

- Он также остается очень опасным мужчиной.

- В смысле...он...

- Нет, нет. Он тебе ничего не сделает, разумеется...в этом плане.

- А в каком сделает?

- Да в таком, что такие отношения — это абсолютно всегда равно хождению по очень тонкому льду.

- У нас нет никаких отношений.

- Боюсь, это дело времени. Когда Амир...замечаеткого-то, это всегда заканчивается одинаково.

Мне колет в самое сердце, и я шепчу.

- У него уже были отношения...с официантками?

- У Амира...есть возможности любить женщин, Диана.

Глупый вопрос.

- И где они теперь?

- Они здесь больше не работают.

- Он их...уволит?

- Нет, - она жмет плечами, - Они сами ушли. Он бы не стал их увольнять.

Я, было, выдыхаю с облегчением, но Анфиса мотает головой.

- Не обманывайся, Диана. Это не из-за его высоких, моральных качеств. Как я уже сказала, у Амира есть возможности любить *женщин*. Наверно, когда он уже не обращает на тебя внимания, выдержать такое — трудно.

- Что вы пытаетесь мне сказать, Анфиса?

- Чтобы ты была аккуратна и *думала*. Знаю, что это, воз-

можно, глупый совет, но...ты должна понимать, что тебе придется столкнуться с последствиями своих решений. Так или иначе. Помни — он очаровательный лишь на первый взгляд, но однажды он станет жестоким и холодным. Так это обычно и заканчивается...

Диана; сейчас

Предупреждение Анфисы не звучало, как «сначала его член на вкус, как мед, а потом ты почувствуешь горечь», но я даже его не услышала. Хотя оно и было разумным, полученным с собственного, горького опыта в ходе наблюдения за такими же дурами, как я.

Нет, он не стал ко мне холоден, но он наказал меня куда сильнее, чем всех своих бывших — он меня полюбил. И это, поверьте, хуже.

Лучше бы все было по-другому.

Я закрываю лицо руками, а потом бросаю взгляд на Москву с высоты в тридцать пять этажей. Сейчас раннее утро, солнце уже встало из-за горизонта, и она, как диско-шар, разбрасывает лучи вокруг себя. Мол, радуйтесь! Танцуйте! Это счастье — быть со мной, здесь, сегодня! Но я уже не ощущаю всего этого восторга.

Все притупилось.

За закрытой дверью ванной комнаты шумит вода. Он там. Ему пора уходить, наверно? И это будет снова сложно. Каждый раз, когда он уходит — он причиняет мне боль, и я ни-

чего не могу с этим сделать.

Амир меня не отпускает.

Когда я узнала о его свадьбе, то хотела разорвать наши отношения сразу же. И еще четыре месяца кряду глупых попыток расстаться, которые так и не привели к логичному завершению этого романа.

Он отказывается меня отдавать миру. Обратно. Я — его женщина. И да, это хуже. Когда-то давно мне было хорошо нежиться в теплоте этих слов, а теперь они стали клеймом и ошейником. Они душат, но я ползу, пока он тянет поводок: куда хозяин, туда и я.

Да, лучше бы он поступил со мной также, как с остальными. Просто ушел, перестал обращать внимание, и я бы уволилась, не в силах выдержать, как он любит других *женщин*. Но он любит меня. Или не любит? Просто одержим? Скорее, да. Это обоюдная зависимость и, кажется, поводок двух концов.

Как бы мне хотелось разрубить этот Гордиев узел, но вместо этого я просто смотрю, как он выходит из душа. На крепких бедрах полотенце, по широким плечам его шикарного тела стекают капли воды. Амир бросает на меня взгляд, но ничего не говорит — а что тут скажешь? В комнате висит атмосфера тяжелого напряжения и сотни слов, которые просто не имеет смысла произносить.

Я уже пыталась.

Много раз, но итог всегда один: он отказывается меня от-

пускать и только сильнее тянет на дно этих сомнительных отношений, у которых сто процентов есть срок годности, просто я его пока не знаю.

Мне страшно, что этот срок годности упадет однажды мне на голову внезапно. Он просто грянет, когда я не буду этого ожидать, а буду и дальше «наслаждаться» сомнительными дарами, пока не пойму, что они отравлены.

Я не знаю, что буду тогда делать... мне так страшно, и этот страх парализует.

Поворачиваюсь на живот и снова смотрю на Москву. Она ласково, спокойно существует дальше. Течет, меняется, и даже жаль, что я так высоко и не могу услышать, как поют птички. Будто оторванная от жизни, за которой теперь могу только наблюдать. А так и есть же! Мне предстоит и дальше болтаться в облаках, скрываться во тьме, пока он заводит детей со своей *правильной* женой, ходит с ней на мероприятия, радуется своей семье.

Все пройдет мимо меня, и однажды я проснусь, не имея ничего. И клетка моя золотая истреплется, и убранство ее поредеет, и лоск сойдет. Однажды это случится. Он потеряет интерес и перестанет за ней ухаживать, а потом и вовсе забудет, что она у него когда-то была.

Он оставит мой мир, который подогнал под себя, и что мне тогда делать? Я не знаю...

- Диана... - Амир тихо зовет меня, а я закрываю глаза, чтобы отгородиться от страхов, которые так глубоко цепля-

ют мое сердце, что ни на секунду не оставляют его в покое, как бы я ни старалась.

Нет... не получается. Когда-то выходило, а сейчас — нет.

- Амир, пожалуйста, оставь меня в покое. Дай мне уйти.

Я чувствую взгляд на себе, но не отвечаю на него. Ковыряю нежный шелк простыни и так отчаянно цепляюсь за надежду, что он... просто устанет! И отпустит!

Но нет. Нет...

Амир тяжело вздыхает и говорит:

- Проводи меня, *любимая*.

Я его ненавижу. За это короткое слово, которое тянет меня обратно к нему. Так жестоко... нет, ты все же стал жестоким, просто без холода, а наоборот пылая страстью. Как и прежде...

Перед дверью Амир прижимает меня к стене и целует. Долго, будто не может оторваться. Его руки сжимают мое тело. Они оставляют клеймо, чтобы я не забыла, кому принадлежу.

Да я и не забуду... поверь. Это невозможно.

Упираюсь ему в грудь, пытаюсь извернуться, оттолкнуть, но это только сильнее распаляет Амира. Он прижимает меня всем телом, сцепляет наши пальцы и заводит мои руки над головой. Дышит так красиво, тяжело... господи, что это такое? Как? Разве возможно чувствовать такую страсть? Которая перекрывает все: разум, доводы, аргументы.

Меня тянет к нему, и если он захочет присвоить меня

здесь и сейчас — я поддамся. Наверно, даже ради приличия не буду сопротивляться.

Это болезнь. Зависимость. Неадекватность.

- Я вернусь к тебе, - шепчет он страстно, низко, тяжело, - Ты слышишь? Я вернусь как можно быстрее, Диана. *Моя* девочка. Твою мать... как я буду по тебе скучать.

Он спускается к шее, оставляет на ней засос и усмехается.

- Я вернусь раньше, чем он сойдет. Чтобы оставить тебе новый...

Чтобы не дать мне даже шанса на спасение.

Прикрываю глаза, а когда он отстраняется, чувствую дикий холод.

- Диана...

- Пожалуйста, уходи.

- Любимая... посмотри на меня.

- Господи, хватит! - отчаянно шепчу, закрыв лицо руками, - Уходи!

Амир резко разводит мои руки и сильно сжимает запястья, так что мне приходится на него посмотреть — и снова; как по кругу: я не могу оторваться, пока смотрю в Черные дыры своего личного ада.

- Не делай глупостей, - шепчет тихо, но со сталью в голосе, - Ты поняла?

- Ты делаешь мне больно.

Пульсирующая хватка на запястьях ослабевает, однако лучше не становится. Ты все равно продолжаешь делать мне

больно...

Амир приближается, оставляет еще один поцелуй на истерзанных губах и шепчет.

- Не смей никуда уезжать, потому что я найду тебя. Ты слышишь? Везде.

- Амир...

- Тш-ш-ш...будь хорошей девочкой. Я привезу тебе подарки...

- Подарки со своего медового месяца? - ядовито усмехаюсь, - Потрясающе. Буду ждать.

Он усмехается в ответ.

- Люблю, когда ты дерзишь. Черт, как же херово, что мне нужно присутствовать на завтраке с семьей. Я бы с радостью еще раз повторил вчерашнюю ночь...

- Я тебя ненавижу.

Он слегка улыбается и снова целует меня.

- Неправда. Ты меня любишь, девочка моя, и я люблю тебя. Я буду звонить. Приеду через две недели, встретить меня хорошим ужином.

- С этим к жене. Ко мне ты приходишь...

- Замолчи, - тихо смеется и опять касается губ, - Черт, просто замолчи. Иначе я никогда не уйду...

И я бы могла что-то ответить, но понимаю, что так его только задорю больше. А я не хочу. Правда, не хочу. Больше всего на свете я мечтаю, чтобы он ушел — в идеале, насовсем...

Упрямо молчу, вздергиваю носик, Амир в ответ еле уловимо улыбается и оставляет последний поцелуй на моих губах.

И низкий, бархатный шепот на ухо...

- Я люблю тебя. Такую я люблю тебе еще больше, *моя девочка*.

И только потом уходит.

Я наконец-то могу вдохнуть полной грудью! Бреду на кухню, стараясь не думать о том, что будет дальше. Как он сядет за стол рядом со своей женой, потом поедет в аэропорт, где их ждет частный бизнес-джет; что потом он прилетит на Мальдивы и там, в шикарном номере для новобрачных, будет раздевать другую женщину. И целовать. И делать своей.

Слезы застилают глаза, а тупая боль расходится волнами по телу.

Господи...я же совсем не хочу об этом думать и представлять, но думаю и представляю. Это какой-то кошмар. Бесконечная череда картинок, и одна только боль, разочарование и обида...

А потом они вернутся с ребенком и...

Звонок в дверь отрывает от мыслей. Он буквально с корнем выдирает меня из этого калейдоскопа ужаса, так что я резко поворачиваюсь на звук и чуть не роняю стакан с водой.

Кто это? Я никого не ждала... а если...это он вернулся? Боже, нет...

Я не хочу, но при этом и мечтаю. Чтобы он вернулся, об-

нял бы меня и сказал: Диана, мне плевать на все! Я тебя люблю! И я буду бороться за наши отношения! Против своей семьи и всего мира.

Знаю, что этого не случится, и тем не менее...несусь открывать дверь. Как человек, который в погоне за своей мечтой, ничего перед собой не видит, так и я не вижу.

Даже не спрашиваю: кто? Просто открываю дверь и застываю.

На пороге, конечно же, не он.

Это Белита.

«Бела», как он сказал.

Его жена.

«Рождение»

Диана; десять месяцев назад

С тяжелым сердцем выхожу из ресторана, прокручивая услышанное от Анфисы. Слова Андрея стараюсь игнорировать, но и они врываются и накручивают меня с каждым шагом до его машины все сильнее.

Конечно, я ее узнала.

Несмотря на то что в машинах я не разбираюсь совсем, но все, что касается Амира, кажется, отпечаталось в моей голове на веки вечные. К тому же стоило мне выйти на улицу, его черный джип пару раз приветливо моргнул.

Черт, в моих мечтах этот момент должен был стать самым счастливым, а по факту...настроение у меня ни к черту. Я залезаю внутрь и с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.